

КАЗАХСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АБАЙ

ОШ МАМЛЕКЕТТИК
УНИВЕРСИТЕТИ

**«TURKIY XALQLARNING MA'NAVIY
INTEGRATSIYASI: TILI, ADABIYOTI,
MADANIYATI»
MAVZUSIDAGI II XALQARO
ILMIY-NAZARIY KONFERENSIYA**

TOSHKENT - 2025

**O'ZBEKISTON RESPUBLIKASI OLIY TA'LIM, FAN VA
INNOVATSIYALAR VAZIRLIGI**

**ALISHER NAVOIY NOMIDAGI TOSHKENT DAVLAT
O'ZBEK TILI VA ADABIYOTI UNIVERSITETI**

**«TURKIY XALQLARNING MA'NAVIY
INTEGRATSIYASI: TILI, ADABIYOTI,
MADANIYATI»**

**MAVZUSIDAGI II XALQARO ILMIY-NAZARIY
KONFERENSIYA MATERIALLARI**

TOSHKENT - 2025

DOI: 10.52773/tsuull.conf.2025/XBUT9380

**ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ
ГРАММАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ПАДЕЖНЫХ СУФФИКСОВ В УЗБЕКСКОМ
И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ**

Зулпукаров Капар

*доктор филологических наук, профессор
кафедры русского и сопоставительного языкознания*

Ошский государственный университет

zulpukarov48@mail.ru

ORCID: 0000-0002-0487-8991

Талипова Сахида Эргешбаевна

преподаватель кафедры русского и сопоставительного языкознания

Ошский государственный университет

talipova.sahida@mail.ru

orcid.org/0009-0009-9306-9317

Аннотация. Актуальность темы статьи обусловлена необходимостью описания категории падежа в тюркских языках в соответствии с природными особенностями ее грамматического строения и функционирования, важностью определения сущности и состава падежей в этих языках с учетом специфичности агглютинативного устройства их морфологии и недостаточностью оснований для разграничения шестичленной парадигмы в тюркских падежах по образцу русской модели падежа. Цель статьи – на примере узбекского и кыргызского языков продемонстрировать важность признания многочленной парадигмы падежей для объяснения ряда общих морфологических явлений родственных языков и значимость такого подхода для теории и практики сравнительной морфологии. В статье доказана невозможность переноса русской флективной модели падежа на агглютинативную структуру узбекских и кыргызских падежей, разграничены первичные и производные падежи в этих языках, обоснована необходимость признания в них тринадцатичленной парадигмы склонения, объективно отражающей их морфологическое устройство. В статье использованы методы сравнения, аналогии и сопоставления. Результаты исследования могут быть полезными для типологической, сравнительной и прикладной морфологии.

Ключевые слова: тюркские языки, узбекский язык, кыргызский язык, казуология, категория падежа, падежные суффиксы, первичные падежи, производные падежи.

Abstract. The relevance of the article is due to the need to describe the category of case in Turkic languages in accordance with the natural features of its grammatical structure and functioning, the importance of determining the essence and composition of cases in these languages, taking into account the specificity of the agglutinative structure of their morphology and the insufficiency of grounds for distinguishing the six-member paradigm in Turkic cases according to the Russian case model. The purpose of the article is to demonstrate, using the example of the Uzbek and Kyrgyz languages, the importance of recognizing the polynomial paradigm of cases to explain a number of common morphological phenomena of related languages and the significance of such an approach for the theory and practice of comparative morphology. The article proves the impossibility of transferring the Russian inflectional case model to the agglutinative structure of the Uzbek and Kyrgyz cases,

distinguishes between primary and derivative cases in these languages, and substantiates the need to recognize a thirteen-member declension paradigm in them that objectively reflects their morphological structure. The article uses the methods of comparison, analogy, and juxtaposition. The results of the study can be useful for typological, comparative, and applied morphology.

Key words: Turkic languages, Uzbek, Kyrgyz, casusology, case category, case suffixes, primary cases, derivative cases.

Введение. Актуальность проблемы состоит в необходимости обращения внимания современных грамматистов на ту модель общетюркских падежей, которая разрабатывалась учеными разных поколений и в наибольшей степени отражает морфологическое своеобразие категории падежа в тюркских языках.

Статья написана в рамках общей теории падежа, называемой иногда казусологией (лат. *kasus* «падеж, падение» и *logos* «слово, теория, учение») [1, с. 356; 2, с. 3-44] и ставит своей целью охарактеризовать падежи тюркских языков как многочленную морфологическую парадигму.

Известно, что грамматики многих тюркских языков составлены по правилам и образцу русской грамматики. Категория падежа – не исключение. Она тоже определяется по русской модели. В русской морфологии различается шесть падежей. Шестичленная парадигма склонения принята во многих тюркских языках – в азербайджанском, алтайском, каракалпакском, кумыкском, кыргызском, узбекском, уйгурском и других языках [3, с. 71-73, 199, 307-308, 346-348, 372-373, 491, 510-512]. Считаем, что **природа падежей в славянских и тюркских языках совершенно несовместима** и не имеет ничего общего. В русском языке, например, нет собственно падежного окончания. В нем окончание многозначно и совмещает в себе признаки рода, числа, падежа и частеречной принадлежности. В этом языке нет аффикса, который бы передавал значения принадлежности, направления или прямого объекта. Нулевое окончание в словоформе *человек-∅* в сочетании *один человек-∅* синкретично и содержит значения муж.р., ед.ч., им.п. и субстантивности, в той же словоформе в сочетании *пять человек-∅* – значения муж.р., мн.ч., род.п. и субстантивности, а в словоформе *друзей-∅* (<[друзь-а]) – значения жен.р., мн.ч., род. и вин.п., а также существительного. В последнем примере признаком словоформы выступает не только флексия *-∅*, но и гласный звук основы [е], вставленный между [з] и [й], и отсутствует признак падежа – ни винительного, ни родительного. Падежные значения в русском языке формируются не в форме слова, а синтагматически, в крупных синтаксических образованиях: 1) значение субъекта действия: *помогли трое друзей – помощь трех друзей*; 2) значение принадлежности: *имущество друзей – имущество у друзей*; 3) значение посредничества: *передавать через друзей, доставка через друзей* и т.д.

Видно, что в русском языке отсутствует собственно падежный аффикс. В этом языке склонение едино с категориями рода и числа,

провести грань между этими категориями невозможно. С точки зрения склонения в русском языке можем различать только следующие группы именных частей речи: 1) одноформенные имена (*кенгуру, зги* в идиоме *не зги не видно* «ничего не видно» в род.п.), 2) двуформенные (*сто – ста, полторы – полторы*), 3) трехформенные (*путь – пути – путем, столовая – столовой – столовую*), 4) четырехформенные (*молния – молнии – молнией – молнию, Мария – Марии – Марию – Марией*) и пятиформенные имена (*сад – сада – саду – садом – саде, Москва – Москвы – Москву – Москвой – Москве*). В этом языке нет ни одного имени с шестью окончаниями в форме одного числа. Данный факт служит основанием для вывода о том, что **русское склонение не может быть образцом для описания падежной системы тюркских языков, в которых каждый падеж обладает суффиксом с определенным значением, а формы числа выражаются автономно.**

Хотя шестичленная парадигма падежей признается во многих нормативных и научных грамматиках русского языка, ученые-русисты по-разному определяют их состав и признают наличие в русском языке семичленной (Н.Н. Дурново, М.Н. Петерсон, М.В. Панов), восьмичленной (А.А. Шахматов, А.М. Пешковский, В.В. Виноградов, Р.О. Якобсон, П.С. Кузнецов, Г.П. Мельников, И.Г. Голанов, А.В. Гладкий), девятичленной (Е.Д. Поливанов) и одиннадцатичленной (А.А. Зализняк, И.Г. Милославский, Е.В. Клобуков) парадигмы падежей [2, с. 115-116, 3, с.64].

Известно, что не всеми тюркологами-грамматистами признается шестичленная парадигма. Ряд морфологов выделяет в этих языках такое число падежей, которое объективно отражает их агглютинативный строй и которое не вызывает особых возражений в силу своей обоснованности и очевидности (В.В. Радлов, В.Л. Гордлевский, Е.Д. Поливанов, Г.И. Рамстедт, В.Л. Котвич, Э.Р. Тенишев, В.М. Насилов, И.П. Дыренкова, К.К. Сартбаев, Н.Е. Убрятова, О. Прицак, А.М. Щербак, Г.Г. Фисакова, В.И. Рассадин, М.З. Закиев, Ф.А. Ганиев, М.И. Боргояков, К.С. Кадыраджиева, Т.Г. Тумашева, Н.И. Ирисов, К.З. Зулпукаров, А. Ахундов, К.Т. Турдуев и др.) [4, с. 201-207, 247-249; 6, с. 233-241]. С учетом идей и выводов этих грамматистов мы ниже кратко опишем падежи узбекского и кыргызского языков как сложное морфологическое образование.

Материалы и методы исследования. Грамматические функции суффиксов падежей узбекского и кыргызского языков описываются нами с единой позиции с опорой на приемы лингвистических методов сравнения, сопоставления и аналогии.

Словоформы падежей узбекского языка сравнительно однородны. А падежные суффиксы в кыргызском языке оформляются в соответствии с требованиями гласных и конечных согласных основы и реализуются во множестве алломорфов – фонетических вариантов суффиксов. В этом языке сильно действует сингармонизм.

1. Основной падеж с нулевым суффиксом (-Ø): *El-Ø to'plandi.* – Эл-Ø топтолду «Народ собрался»; *Bola-Ø yiq'ladi.* – Бала-Ø ыйлады «Ребенок плакал».

2. Дательно-направительный падеж с аффиксом *-ga* в узбекском языке, *-ga, -ge, -go, -gø, -ka, -ke, -ko, -kø, -na, -ne, -no, -nø, -a, -e, -o, -ø* в кыргызском языке: *Maktab-ga ketdi.* – Мектеп-ке кетти «Пошел в школу»; *Bog'-ga bordik.* – Бак-ка бардык «Мы пошли в сад». Ср. также: *үй-гө кирди* «зашел в дом», *иш-ке кетти* «пошел на работу», *ам-ка минди* «сел на коня», *уул-ум-а ишенем* «доверяю своему сыну», *уул-ун-а ишенбейт* «не доверяет своему сыну» и др. В последних двух примерах показатель направленности присоединяется к суффиксам лично-посессивного спряжения.

3. Винительный падеж с суффиксом *-ни* в узбекском языке, *-ны, -ни, -ну, -нү, -ды, -ди, -ду, -дү, -ты, -ти, -ту, -тү, -ы, -и, -у, -ү, -н* в кыргызском языке: *deraza-ni ochdim* «я открыл окно», *kitob-ni o'qidim* «я прочитал книгу»; *терезе-ни ачтым* «я открыл окно», *kutub-ti okudum* «я прочитал книгу», *ам-ты миндим* «я сел на коня», *уул-уң-у* «я видел твоего сына», *уул-ум-у эскерттим* «я предупредил своего сына», *уул-ун-н көрдүм* «я видел его (ее) сына» и т.д. В последних трех примерах суффикс винительного падежа сочетается с суффиксами принадлежности.

От основы винительного падежа образуются два родительных падежа – родительный первый и родительный второй.

4. Родительный первый образуется с помощью суффикса *-ng* в узбекском языке и *-н* в кыргызском языке: *deraza-ni-ng pardasi* «оконная занавеска», *kitob-ni-ng beti* «страница книги»; *ам-ты-н ноктосу* «недоуздок коня», *kutub-ti-n beti* «страница книги», *бөлмө-нү-н шыбы* «потолок комнаты», *терезе-ни-н pardasi* «оконная занавеска», *уул-ум-у-н үйү* «дом моего сына», *уул-уңуз-ду-н ийгилиги* «успехи Вашего сына» и др. Суффикс множественного числа автономен, вставляется между основой существительного и падежными суффиксами: *deraza-lar-ni-ng parda-lar-i* «оконные занавески» – *ам-тар-ды-н нокто-лор-у* «недоуздки коней».

5. Родительный второй тоже образуется от основы винительного падежа с помощью суффикса *-ki* в узбекском языке и *-ки, -кы, -ку, -кү* в кыргызском языке: *kitob siz-ni-ki* «книга ваша», *bog' otam-ni-ki* «сад отцовский/принадлежит отцу», *kutub siz-du-ki* «книга ваша», бак *аман-ңыз-ды-кы* «сад принадлежит вашему отцу/сад вашего отца», *жатакана университет-ти-ки* «общежитие принадлежит университету». Родительный первый оформляет определение, родительный второй – сказуемое. Следовательно, последние словосочетания с родительным вторым, будучи предложениями, выполняют коммуникативную функцию.

Мы не согласны с теми грамматистами, которые относят атрибутивные и предикативные словосочетания с родительным первым и родительным вторым падежами к морфологической категории

принадлежности, считая их ее аналитическими или синтаксическими формами [7, с.86; 8, с. 60].

6. Местный падеж имеет суффикс *-da* в узбекском языке и *-да, -де, -до, -дә, -та, -те, -то, -тә* в кыргызском: *otam dala-da/атам талаа-да* «отец на поле», *bostirma-da o'tiribdi* «сидит под навесом», *көчө-дө* суук «на улице холодно», *жаан-да* калдык «мы оказались под дождем», *университет-те* окуйт «учится в университете».

7. Местный второй образуется от основы этого падежа путем присоединения к ней суффикса *-gi* в узбекском языке и *-гы, -ги, -гу, -гү* в кыргызском: *dala-da-gi ishlar/талаа-да-гы иштер* «полевые работы, работы на полях», *иш-те-ги чыр-чатак* «распри на работе», *өлкө-дөгү жаңылыктар* «новости в стране», *стакан-да-гы* суу «вода в стакане».

8. Исходный падеж оформляется суффиксом *-dan* в узбекском языке и *-дан, -ден, -дон, -дөн, -тан, -тен, -тон, тән, -нан, -нен, -нон, -нөн, -ан, -ен, -он, -өн* в кыргызском: *dala-dan keldik* «мы пришли с поля», *bostirma-dan chiqdik* «мы вышли из-под навеса», *талаа-дан башталат* «начинается с поля», *саар-тан бери* «с утра», *иш-тен бошоп* «уволившись с работы», *мен-ден мурда* «до меня», *ан-дан мурун* «до него/неё», *бала-м-дан/бала-м-ан кийин* «после моего ребенка», *бала-сы-нан кийин* «после его/ее ребенка». М. Кашгари (XI век) считал суффикс исходного падежа производным относительно суффикса местного падежа, истолковывая словоформы *andan* «от него/неё», *attan* «с коня» как выводимые из *anda* «у него/нее, тогда», *atta* «на коне» [9, с. 134-135].

9. Обладательный падеж с суффиксом *-li* в узбекском языке и *-луу, -лүү, -дуу, -дүү, -туу, -түү* в кыргызском: *aql-li odam / акыл-дуу* адам «умный человек», *күйөө-лүү* аял «замужняя женщина», *бала-луу* аял «женщина с ребенком», *токой-луу жай* «лесистая местность», *ам-туу* киши «человек на коне, всадник», *ийгилик-түү* иш «успешная работа» и др.

10. Обладательный второй образуется от основы этого падежа путем присоединения к ней суффикса *-k* в узбекском языке: *ona-li-k vazifa* «обязанность матери, материнская обязанность», *ot-li-k аскар* «конная армия», *bir hafta-li-k dam olish* «однонедельный отпуск/отдых». В кыргызском языке обладательный второй имеет суффикс со следующими алломорфами: *-лык, -лик, -лук, -лүк, -дык, -дик, -дук, -дүк, -тык, -тик, -тук, -түк*: *бала-лык* учур «детский период, детство», *эне-лик* мээрим «материнская любовь, любовь матери», *шаар-дык* кыз «городская девушка, девушка из города» и др.

11. Падеж отрицания с суффиксом *-siz* в узбекском языке и *-сыз, -сиз, -суз, -сүз* в кыргызском: *savod-siz odam / сабат-сыз* адам «неграмотный человек», *aql-siz qiz / акыл-сыз* кыз «неумная девочка», *uy-siz kishi / үй-сүз* киши «бездомный человек».

Падежные формы обладания и отрицания в тюркских языках были предметом специального изучения в содержательной статье М.З. Закиева, где приводятся и подробно комментируются примеры из татарского

языка: **ақыл-лы** кеше «умный человек», **бәхет-ле** бала «счастливый ребенок», **ақыл-сыз** кеше «безумный человек», **бәхет-сиз** бала «несчастливый мальчик» [10 с. 23-29]. Л.С. Левитская приводит формы лишительного падежа из разных тюркских языков: азерб. *vatan-im-siz* «без моей родины», чув. *par ača-m-sar* «без единственного моего сына», уйг. *rıgsat-im-siz* «без моего разрешения», тур. *jardem-in-siz* «без его помощи», туркм. *men-siz* «без меня» [11, с. 24-25].

12. Сравнительный падеж с суффиксами *-day* и *-dek* в узбекском языке и *-дай*, *-дей*, *-дой*, *-дөй*, *-май*, *-мей*, *-той*, *-төй* в кыргызском: **tosh-day og'ir/tau-may** оор «тяжелый как камень», **sutga chayqalغان-dek oppoq** «беленький как прополосканный молоком», **асман-дай** көк «голубой как небо», **Сергей-дей** бойлуу «рослый как Сергей» и др.

13. Уравнительный падеж с суффиксом *-ча* в узбекском языке и *-ча*, *-че*, *-чо*, *-чө* в кыргызском: **men-cha/мен-че** «как я», **biz-cha/биз-че** «как мы», **rus-cha-o'z-bek-cha lug'at** «русско-узбекский словарь», **bo'yi Ahmad-cha bor** «ростом как Ахмад», **um-че** үрөт «лает собакой/как собака», **am-ча** кишинейт «ржет как лошадь» и др.

Кроме названных, в некоторых тюркских языках выделяются и другие падежи. Например, в казахском языке есть творительный падеж с суффиксом, реализуемым в алломорфах *-мен*, *-бен*, *-пен*; **онымен таныс** «знаком с ним/ней» (**оны биледі** «его/ее знает»), **қазакпен** «с казахом» и др. [3, с. 323, 327]. Ср. также творительный падеж якутского языка с суффиксами *-нан*, *-нэн*, *-нон*, *-нөн*, *-ынан*, *-инэн*, *-унан*, *-үнөн*: **суол-унан бардылар** «они пошли по дороге» (кырг. **жол менен барышты/кетишти** в том же значении) [11, 12, с. 137], в чувашском с суффиксами *-на*, *-не*, *-пала*, *-пеле*: **кус-на кур-** «видеть глазами», **тйшман-на кёреш-** «бороться с врагом» (кырг. **душман менен күрөш-** в том же значении, где суффиксу творительного падежа соответствует кыргызский послелог *менен* «с») [3, с.48].

В грамматиках современных тюркских языков вновь вводимые падежные формы рассматриваются в основном в словообразовании [3, с.144, 200, 324-323 и др.]. Для обоснования разграничения в этих языках 13 падежей мы приводим следующие доводы.

1. Все аффиксы названных выше падежей не изменяют лексического значения слова. Они выполняют формообразующие функции. Когда мы говорим **Бою Акмат-тай/Акмат-ча бар эле** «Он был ростом с Акмата/как Акмат», **Акмат-сыз эле кылам** «сделаю и без Акмата» мы не образуем новых слов, дающих нам новые представления. Во всех случаях антропоним сохраняет свое лексическое значение и не переходит в разряд прилагательных или наречий. Суффиксы в них выполняют словоизменительную функцию.

2. Слова с падежными аффиксами не существуют в словарном составе в готовом виде. Они воспринимаются составителями словарей как словоформы и не регистрируются в качестве самостоятельных лексем.

Лексикографы относят их к словоизменительной парадигме. В словарях (толковых, переводных и других) отсутствуют слова с суффиксами вновь вводимых падежей.

3. Все падежные суффиксы достаточно продуктивны. Они свободно присоединяются к основе любого имени существительного. Этот признак отличает их от собственно словообразовательных суффиксов, у которых сочетательные потенции ограничены.

4. Ко всем падежным суффиксам не могут свободно присоединяться словообразовательные суффиксы существительного, глагола, наречия и т.д.: словоформа редко становится производящей основой.

5. Все падежные формы выражают функционально-грамматические отношения между словами и определяются в относительно однородных терминах и дефинициях типа «сравнение одного предмета с другими», «отсутствие одного предмета или качества в другом», «принадлежность одного предмета другому», «нахождение предмета в пространстве», «полная охваченность предмета действием» и т.д. Подобные значения не могут выражать словообразовательные единицы.

6. Различия нейтрального и лично-притяжательного типов склонения в тюркских языках распространяются и на структуру вновь вводимых падежей: *uy-da/үй-дө* «дома» - *uy-im-da/үй-үм-дө* «в моем доме», *ish-da/uш-me* «на работе» - *ish-ing-da / uш-uң-de* «на твоей работе», *bola-day / бала-дай* «как ребенок» - *bola-miz-day / бала-быз-дай* «как наш ребенок», *bola-siz/бала-сыз* «бездетный, без ребенка», *men-cha/мен-че* «как я» - *men-im-cha/мен-им-че* «по-моему», *uy-'da-gi/үй-дө-гү* «домашний; то, что есть дома» - *uy-ing-da-gi/үй-үң-дө-гү* «то, что есть у тебя дома», *ota-ni-ki/ата-ны-кы* «отцовский; то, что принадлежит отцу» - *ota-miz-ni-ki/ата-быз-ды-кы* «то, что принадлежит нашему отцу» и др. Словообразовательные суффиксы не могут свободно сочетаться с лично-притяжательными в постпозиции.

7. Аффиксы вновь вводимых падежей легко присоединяются к основе с аффиксом множественного числа, что тоже свидетельствует о их словоизменительном характере: *ota-lar-cha/ата-лар-ча* «как отцы», *ota-lar-siz / ата-лар-сыз* «без (участия) отцов», *ota-lar-day/ата-лар-дай* «как отцы», *ota-lar-imiz-dek/ата-лар-ыбыз-дай* «как наши отцы», *ota-lar-da-gi/ата-лар-да-гы* «то, что есть у отцов», *ota-lar-ni-ki/ата-лар-ды-кы* «то, что принадлежит отцам» и др. А собственно словообразовательные суффиксы не могут комбинироваться с показателями множественности.

8. И прежние, и вновь вводимые падежи в тюркских языках синонимичны с основным падежом: *shahar-Ø yigiti / shahar-lik yigit* «парень из города, городской парень», *shaar-Ø жигити / shaar-лык/-дык жигит*, *kitob-Ø oldim/kitob-ni oldim / kumen-Ø алдым / kumen-tu алдым* «я взял/купил книгу», *qora qosh-Ø qiz / qora qosh-li qiz* «чернобровая девочка», *ot-Ø/ot-ni/ot-ga minib* «сидя на лошади» и др. В последнем примере синонимичны формы основного, винительного и дательного

падежей. Мы относим формы с нулевым суффиксом к основному (именительному) падежу и не поддерживаем тех грамматистов, которые утверждают о наличии в тюркских языках неформленных винительного, родительного и других падежей.

9. Признание многопадежности в тюркских языках ликвидирует разнотолки в понимании и описании морфологической структуры слова Кыргызоведы по-разному определяют место словоформы *менче* «как я». Г. Бакинова и С. Кудайбергенов относят ее к местоимению, Б. Суранчиева и С. Давлетов – к наречию [4, с. 241]. Слова с суффиксами 1) *-луу, -лүү, -дуу, -дүү, -туу, -түү*; 2) *-дай, -дей, -дой, -дөй, -тай, -тей, -той, -төй*; 3) *-лык, -лик, -лук, -лүк, -дык, -дик, -дук, -дүк, -тык, -тик, -тук, -түк*; 4) *-сыз, -сиз, -суз, -сүз* отнесены к имени прилагательному в функции определения к существительному [11, с. 161-163], хотя те же слова могут выступать в значении наречия, непосредственно сочетаясь с глаголом: *бала-луу болсоң* «если имеешь ребенка», *куш-тай учат* «летит как птица», *Акмат-тай ырдайт* «поет как Акмат», *бала-лык кылып* «поступив как ребенок», *үй-сүз калды* «лишился/остался без дома» и др. Субстантивные словоформы в этих примерах не наречия и не прилагательные, а существительные в обладательном, сравнительном и лишительном (отрицательном) падежах. Слова с суффиксом *-ча, -че, -чо, -чө* определяются как наречия. А в сочетании *кыргыз-ча-орус-ча сөздүк* сложное слово, составляющее его первую часть, не является наречием, поскольку выполняет определительную функцию. В сочетании же *кыргыз-ча/орус-ча сүйлөйт* «говорит по-кыргызски/по-русски» первый компонент выступает как наречие. Данное противоречие разрешается однозначно, если признать падежный характер первых компонентов субстантивного и глагольного типов словосочетаний.

Выводы. Сравнительное изучение грамматических функций падежных аффиксов узбекского и кыргызского языков в контексте общей тюркологии позволило сформулировать некоторые общие результаты:

1) обобщены идеи классиков лингвистической тюркологии (В.В. Радлов, Е.Д. Поливанов, Г.И. Рамstedт, В.Л. Котвич, В.Л. Гордлевский, К.К. Сартбаев, Э.Р. Тенишев и др.) относительно состава падежей в тюркских языках; обоснована необходимость восстановления и принятия многочленной парадигмы категории падежа, в наибольшей степени отражающей специфику морфологического строя тюркских языков;

2) доказана невозможность моделирования категории падежа в тюркских языках по образу категории флективных языков, в которых отсутствует собственно падежный аффикс, а так называемое «падежное окончание» полисеманлично и синкретизирует в себе значения рода, числа, падежа и частеречной принадлежности одновременно;

3) осуществлена сравнительная характеристика тринадцати падежей, общих для узбекского и кыргызского языков; показаны их общие и отличительные признаки, а также синонимия основного и косвенных

падежей на примере двух родственных языков; восполнены некоторые лакуны в понимании и описании падежей в тюркских языках; сделана попытка ликвидировать отдельные противоречия и алогизмы в определении сущности падежей в грамматике.

Использованная литература

1. Большой энциклопедический словарь. Языкознание [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева. Изд. 2-е. репринтное. – М., 2000. – 688 с.
2. Зулпукаров К.З. Введение в русскую казуологию. – Бишкек, 2000. – 160 с.
3. Языки народов СССР. Том II. Тюркские языки / Отв. ред. Н.А. Баскаков. – М.: Наука, 1966. – 531 с.
4. Зулпукаров К.З. Падежная грамматика: теория и прагматика. – Санкт-Петербург–Ош, 1994. – 317с.
5. Зулпукаров К.З. О морфологии русского языка // Современный русский язык. Рецензии на рабочие материалы к учебнику для студентов филологических факультетов вузов «Современный русский язык: морфология» (СПб, 2007. – 664 с.). – СПб, 2007. – С. 55-75.
6. Зулпукаров К.З., Амиралиев С.М. Синтез как метод описания языка (вопросы казуологии, синологии, алтаистики и ностратики). – Бишкек, 2021. – 748 с.
7. Мирзаев М., Усмонов С., Расулов. Ўзбек тили. Изд. 4-е. – Тошкент, 1978. – 256 б.
8. Абдувалиев И. Кыргыз тилинин морфологиясы. – Бишкек, 2008. – 284 с.
9. Закиев М.З. Формы обладания и отсутствия в тюркских языках // Лингвистический сборник. – Ташкент, 1971. – С. 23-29.
10. Благова Г.Ф. Тюркское склонение в ареально-историческом освещении (юго-восточный регион). – М., 1982. – 304 с.
11. Левитская Л.С. Историческая морфология чувашского языка. – М.: Наука, 1976. – 206 с.
12. Грамматика киргизского литературного языка. Часть I. Фонетика и морфология. – Фрунзе, 1987. – 402 с.

MUNDARIJA

Hüseynova Mahirə Nağı qızı. AZƏRBAYCAN VƏ ÖZBƏK DİLLƏRİNDƏ NİDRONİMİK VAHİDLƏRİN MÜQAYISƏLİ-LİNQVİSTİK TƏHLİLİ	5
Зулпукаров Капар, Талипова Сахида Эргешбаевна. ОБ ОДНОМ ПОДХОДЕ К СРАВНИТЕЛЬНОЙ ХАРАКТЕРИСТИКЕ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФУНКЦИЙ ПАДЕЖНЫХ СУФФИКСОВ В УЗБЕКСКОМ И КЫРГЫЗСКОМ ЯЗЫКАХ	12
Adilbekova Elmira Seytimovna, Сұлтан Саният Бауыржанқызы. ABAY ESERLERİNDE İDEAL İNSAN: AHLÂK, BILGI VE İRFAN EKSENİNDE İNSAN-I KÂMİL	21
Sulton Tulu. "DADA QO'RQUT KITOBİ"NING YANGI TOPILGAN BURSA QO'LYOZMASI	30
Найманбай Айнұр Рахымбердіқызы. АБАЙ ҚҰНАНБАЙҰЛЫ ПОЭЗИЯСЫ ЖӘНЕ ШЫҒЫСТЫҚ САРЫН	37
Самситова Луиза Хамзиновна. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И ОБРАЗОВАНИЕ В РЕСПУБЛИКЕ БАШКОРТОСТАН	44
Mirvari İsmayilova Abbas qızı. AZƏRBAYCAN MƏTVƏX MƏDƏNİYYƏTİNİN MİLLİ İDENTİKLİYİ (və yaxud etnokulturoloji səciiyyəsi)	52
Mustafa NERKİZ. KAZAK VE ÖZBEK ATASÖZLERİNDEN HAREKETLE KOLEKTİF BİLİNÇ VE BİRLİK KAVRAMI	65
Қ.С.Қалыбаева. ӨЗБЕК ЖӘНЕ ҚАЗАҚ ТІЛДЕРІНДЕГІ ФРАЗЕОЛОГИЗМДЕРДЕГІ ОРТАҚ ТАНЫМ: ЭТНОЛИНГВИСТИКАЛЫҚ САЛЫСТЫРМАЛЫ ТАЛДАУ	74
Mavlonova Klaraxon Mahmudovna. MATN TUZILISHINI BELGILOVCHI KOMPONENTLAR TAHLILI	81
Кобыскан Александр Степанович. ЛЕТНИЕ ЛАГЕРЯ КАК ПРОСТРАНСТВО ЭТНОЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ ДЕТЕЙ: ОПЫТ БАШКОРТОСТАНА	87
Kambarova Saodat Irkinovna. O'QUVCHILARNING OBRAZLI TAFAKKURINI RIVOJLANTIRISHGA DOIR YONDASHUVLAR	95
I SHU'BA. TURKIY XALQLAR ADABIYOTI VA XALQ OG'ZAKI IJODI MASALALARI	
Ubaydullayeva Rayxon Abdujalil qizi. AHMAD A'ZAMNING "RO'YO YOXUD G'ULISTONGA SAFAR" ASARIDA INTERYER TASVIRI	101
Sayali Səfərova. "AZƏRBAYCAN OĞLU ÖZBƏK ŞAIRİ" MAQSUD ŞEYXZADƏ YARADICILIĞINA NƏZƏR	107
Маметова Дильфуза Алимовна, Алтынбекова Ақерке Ерболатқызы. TÜRK HALK GELENEĞİNDE HOCA NASREDDİN: MİZAHIN VE HİKMETİN SİMGESİ	113
Адильбекова Эльмира Сейтимовна, Берікқызы Сая. TÜRK DESTAN ÇALIŞMALARI VE EPİK GELENEKLERİ HAKKINDA BAZI	123

